

Сегодня он похож на ле- докол, который из послед- них сил торит путь среди льдов безденежья, коварства издателей, болезней и прочих житейских невзгод. В утешение — английская поговорка: в море бывает хуже. Еще особен- ной пушистости персидский кот. И библиограф, редактор, наборщица, справочное бюро, секретарь, письмоводитель, архивист — жена Татьяна Валенти- нова.

Когда донимают ноги, он ложится на тахту и прикрывает их пледом. Над тахтой во всю стену — карта Мирового океана. Исходив его вдоль и попе- рек, человек устал и прикорнул под белым абрисом Антаркти- ды, где тоже не раз бывал.

В гостиной прямо против карты Мирового океана висит дюжина акварелей в эстамп- ной окантовке и деревянных рамках. Айсберги, корабли, цветы, собаки, гавань, роцци, скалы.

Виктор Викторович, из- вестно, что в обязанности штурмана входит умение рисо- вать, делать зарисовки особен- ностей береговой черты, при- метных знаков... Ваша живо- пись, ваша графика — это про- должение морской профессии?

— Нет. Стать художником я мечтал с детства. Ходил в изостудию Дома пионеров. И до сих пор помню и чту свою первую наставницу — Дебору Иосифовну Рязанскую. Она умерла не так давно, в Казани.

Вот одна из первых моих ра- бот маслом. Эту картину я напи- сал в 1955 году, когда наше суд- но стояло на якоре в бухте Вар- нека на острове Вайгач. Сошел на берег побродить по суше, вижу — чум, за ним наткнулся на небольшое кладбище. На кресте — спасательный круг. Прочитал надпись на кресте: здесь похоронен старпом с паро- хода «Правда», скончавшийся в этих угрюмых местах во время рейса в 1944 году. Потом разуз- нал о нем побольше и написал очерк в «Литературную газету».

Однажды раздаётся зво- нок, в трубке женский голос: «Спасибо вам за память о моем брате. Я сестра старпома с «Правды». Скажите, как мне попасть на Вайгач, я хочу по- ставить на могиле брата памятник». «Вы с ума сошли! Туда не попасть. Там — зап- ретная зона».

В те годы там сооружался полигон ядерных испытаний, и вся округа была закрыта для част- ных лиц. И все-таки она сумела пробиться туда, поставить памятник... Вот вам женское сердце.

— А это что за льды? Арк- тика?

— Я ходил туда на теплоходе «Эстония» в 1979 году. Тогда с нами и «Сомов» был. Но это не он, а некий собирательный портрет ледового судна... Написать айсберг невероятно трудно. Лучи света проходят сквозь него и отражаются внутри. Передать это кистью невозможно, как игру бриллианта. Поэтому я под Рокуэлла Кента писал. Стилизо- ванно. Но были гении, как Се- ров, например. Ему все удава- лось. Коровин хорошо Север писал, но он в Арктику не заби- рался. Он по Архангельской гу- бернии развезжал. По-настоя- щему открыл россиянам Север живописец начала века Алек- сандр Борисов. Ученик Шишки- на и Куинджи, крестьянский сын из Вологды. К сожалению, сегодня о нем знают только спе- циалисты. Из двухлетней экспе- диции на Новую Землю худож- ник привез десятки уникальных полотен. Вообще-то мы Новую Землю Арктикой еще не счита- ли. Ну разве что северную око- нечность... В Арктике есть нечто космическое, взезное, и этот космизм, на мой взгляд, сумел передать лишь один художник — Врубель.

Вот этот круг на картине многие принимают за солнце. Но это печать. Точнее, почтовый штемпель, который поставил мне на лист начальник станции «Молодежная». «А то никто не

поверит, что ты это здесь мале- валь!» Взял и шлепнул.

А лед в Антарктиде — опасная штука. В любой мо- мент может сползти и кубыр- нуть судно. С «Брянсклесом» такая история была. А что де- лать? В Антарктиде все прича- лы ледяные.

...Я спрашивал Конечкого, почему на его листах и полот- нах так много цветов, деревь- ев, леса и почему так мало моря. Наверное, его слишком было много в жизни и глаз иска- л отдыха от шири морского горизонта. Зато теперь в окне лишь кусок неба над краем питерского двора-колодца.

бросал летать или плавать, зна- ет, как запоминается послед- ний полет и последний рейс».

— Виктор Викторович, и все-таки тот «последний рейс» последним не был?

— Не был. Я думал, что последним для меня станет рейс 1968 года на «Кингисеп- пе». Тяжелый рейс... Мы вышли из Архангельска, везли зимов- щикам овощи, разборные дома... Ткнулись в Карские ворота — ни фига. Все забито льдом. При- шлось обходить вокруг Новой Земли...

...Повесть о по-настоящему последнем в судьбе капитана Конечкого походе не дописана,

— Виктор Викторович, что самое красивое из того, что вам удалось повидать?

— Океанские волны в хо- роший шторм...

— Морякам не задают воп- рос о «творческих планах». Их спрашивают — «что по курсу?»

— Ничего нового писать не могу... На румбе: повесть о последнем походе в Арктику. Ее надо завершить. И Бог даст — выйдет полное собрание со- чинений. Но тут тоже аврал.

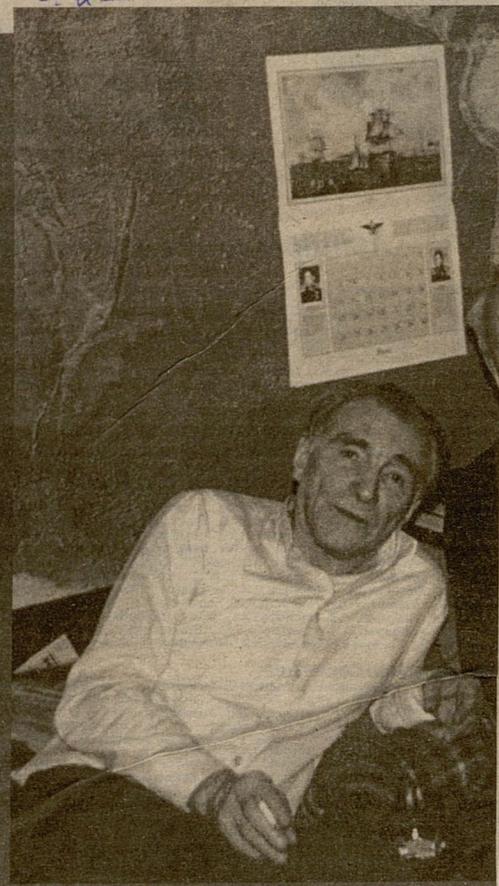
***

А в путевых книгах капи- тана-мастера переливаются краски Арктики:

Новая газета. — 2000. — 2 янв. — с. 21

Писатель-моряк
Виктор
Викторович
КОНЕЦКИЙ
ведет свой
отчаянный бой
с безденежьем,
болезнями
и издателями

ЦВЕТЫ, АЙСБЕРГИ И КНИГИ

Смотрю на акварель с бар- жами на реке Везер и нахожу в томике Конечкого словесное от- ражение этой картины: «Внача- ле отдыхали речные самоходные баржи. На их рожах буквально написано было наслаждение от короткого безделья... Старые платаны склоняли над каналом и самоходками тяжелые черные стволы. Черные ветви, на кото- рых покачивались забытые бо- гом шишечки, украшали серо- лиловые декабрьские небеса... А противоположный берег канала весь был покрыт ярко-зеленой газонной травкой, которая, оче- видно, чихать хотела на давеш- ний ночной снег». Не такое уж баловство для писателя — этюд- ник и палитра...

«Самоходные баржи на подходах к Антверпену», — диктует автор жене название безымянной дотолы вещицы. А я не могу отделаться от мысли, что я уже читал эту картину. Ну конечно же, рассказ так и на- зывался — «Последний день в Антверпене». «Шельда была полна тумана, смешанного с тяжелым дыханием заводов... Я все так хорошо — даже детали помню потому, что тогда оче- редной раз собирался завязыв- ать с моряками, очередной раз бросал плавать. И думал, что рейс последний. А тот, кто

она вместе с другими книгами застряла в сплоченных льдах безвременья. Разговор plainly переходит на бездоходность пи- сательского труда сегодня, на грабителей-издателей...

— Если и дальше так будет, — невесело улыбается живой классик, — пойду на Невский продавать свои картины. Все думают, у Конечкого денег куры не клюют. А я получил за после- днюю книгу триста рублей. Не больше. Меня уже трижды хо- ронили в газетах. Откуда-то прислали письмо, что даже деньги на венок собрали. Лучше бы уж валичными прислали... А лягу, так на Смоленском — в «пролив Вилькицкого» — между Вилькицким и Матушкиным. Там у нас семейное захороне- ние. К бабушке лягу...

Альбом «Художник вечных льдов» — об Александре Бори- сове — возвращает нас в Арк- тику.

— Только там чувствуешь, что Земля — космическое тело. Космос нависает... Не случайно там и НЛО чаще, чем где бы то ни было появляются. Старей- ший полярный авиационный штурман Валентин Иванович Аккуратов — он дважды встре- чался с НЛО в Арктике. И оба раза его экипаж испытывал чувство вселенского ужаса.

«Лед с правого борта ярко- розовый до далекого горизон- та, чернильно-фиолетового от туч и тумана».

По розовому льду извира- ется огромная, огромная, мет- ров двести в длину синяя тень — профиль нашего судна...

На карте Мирового океана — прокладка последнего рей- са, оборванного в Карском море. В австрало-антарктиче- скую котловину вбит гвоздик. На нем валдайский колоколь- чик. Звонкая точка в конце моряцкого пройденного пути, которого никто, как утвержда- ет одна из книг писателя, не отберет...

***

Чествовали юбиляра моря- ки и питерская обществен- ность на борту крейсера «Ав- рора», который держится на плаву назло всем войнам и ураганам без малого столетие.

Я знаю, что обрадовало бы Конечкого сегодня больше всего — весть, что по трассе Северного морского пути — вдоль арктического фасада России — вновь зажгли по- гашенные ныне маяки.

● Николай ЧЕРКАШИН
Москва —
Санкт-Петербург